

УДК 2+398

ОТРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ МОТИВОВ В ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ «МАНАС»

Асылбек Апасович Бакиров

кандидат филологических наук, доцент

Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина

Бишкек, Кыргызская Республика

E-mail: asbakirov@gmail.com

А н н о т а ц и я

В начале I тысячелетия до н. э. произошло одно из крупнейших событий в истории народов, населявших горностепные просторы Евразии — переход степных племен к кочевому образу жизни, к кочевому скотоводству. В представленном исследовании рассматривается героический эпос «Манас» — один из древнейших эпосов мира, в котором нашли отражение не только жизнь и быт кочевого кыргызского народа, его этические нормы, но и религиозные культовые обряды и действия. Основной целью автора является раскрытие религиозных основ эпоса «Манас», что позволило сформулировать две ключевые задачи: с одной стороны, выявление своеобразных исторических «примет времени», следов различных эпох, обнаруживаемых в произведении, и анализ религиозных образов «Манаса», с другой. Обе задачи между собой неразрывно связаны и отражают, по сути дела, разные стороны одной проблемы. Автор подробно рассматривает вопросы отражения в эпическом тексте ранних религиозных верований (тотемизм, анимизм, культ предков) и мусульманских мотивов. Основной целью научного анализа религиозных мотивов эпического сказания является выяснение их онтологической и аксиологической ценности в контексте номадического бытия. В представленной статье весьма наглядно представлены тотемические воззрения на примере зооморфной богини Ак-Бугу. Повествуется о том, как *Ак-Бугу* (букв. Святая Олениха) вскармливает своим молоком младенца Семетея, и его мать, увидев это, восприняла это как добрый знак. В древности олень, лось, архар, равно как и волк или барс, считались священными животными, покровительствующими кыргызским племенам. Также исследователь рассмотрел один из наиболее древних и ярких женских образов эпоса «Манас» — Айчүрөк. С ее образом в «Манасе» связывается широко распространенный в эпосе тюрко-монгольских народов мотив оживления героя его женой.

К л ю ч е в ы е с л о в а

Кыргызский героический эпос «Манас», религиозные мотивы, тотем, анимизм, культ предков, мусульманские мотивы.

UDC 2+398

REFLECTION OF RELIGIOUS MOTIVES IN THE HEROIC EPIC «MANAS»

Asylbek Apasovich Bakirov

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B.N. Yeltsin Bishkek, Kyrgyz Republic

E-mail: asbakirov@gmail.com

Annotation

At the beginning of the I millennium BC, one of the largest events in the history of the peoples inhabiting the mountainous expanses of Eurasia took place — the transition of steppe tribes to a nomadic lifestyle, to nomadic cattle breeding. The presented study examines the heroic epic «Manas» — one of the oldest epics in the world, which reflects not only the life and way of life of the nomadic Kyrgyz people, their ethical norms, but also religious cult rituals and actions. The main goal of the author is to reveal the religious foundations of the epic «Manas», which made it possible to formulate two key tasks: on the one hand, the identification of peculiar historical «signs of time», traces of various epochs found in the work, and the analysis of religious images of «Manas», on the other. Both tasks are inextricably linked and reflect, in fact, different sides of the same problem. The author examines in detail the issues of reflection of early religious beliefs (totemism, animism, ancestor cult), as well as Muslim motifs in the epic text. The main purpose of the scientific analysis of religious motifs is to clarify their ontological and axiological value in the context of nomadic existence. The article presents the totemic beliefs on the example of the zoomorphic goddess Ak-Bugu very vividly. It tells how Ak-Bugu (literally, the Holy Deer-girl) feeds baby Semetei with her milk, and his mother seeing it, perceived it as a good sign. In ancient times, the deer, elk, argali, as well as the wolf or the leopard, were considered sacred animals patronizing the Kyrgyz tribes. The researcher also considered one of the most ancient and vivid female characters of the epic Manas, namely Aichuryok. Her image in “Manas” is associated with the motive of hero’s revival by his wife, which is widespread in the epic of Turkic-Mongolian peoples.

Keywords

Kyrgyz heroic epic “Manas”, religious motifs, totem, animism, ancestor cult, Muslim motifs.

ВВЕДЕНИЕ

Одно из удивительных творений народа, наполненное богатством и многообразием устного поэтического творчества — кыргызский героический эпос «Манас» — по праву стоит в одном ряду с мировыми эпосами «Одиссея», «Илиада», «Шахнамэ» и др.

Героический эпос «Манас» является поэтической Библией кыргызского народа. Его грандиозность и величественность составляет одну из особенностей эпического творчества кыргызов. В эпосе нашли отражение жизнь кыргызского народа, его обычаи и нравы, этические нормы, представления о природе, религиозные мотивы.

Вместе с изображением широкой картины народной жизни в нем сохранились отголоски многих религиозных культов, начиная с самых ранних верований, таких как тотемизм, анимизм, магия, культ предков, а на завершающих этапах развития эпос дополнялся и мусульманскими мотивами.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Методологические и теоретические основы предлагаемого исследования основываются на методах философского, культурологического и исторического знания, историко-системного подхода, опирающегося в свою очередь на основные исторические принципы — историзма, объективности и комплексного подхода. Методологическую основу составляют работы труды зарубежных и отечественных историков, культурологов, философов и филологов.

ОБСУЖДЕНИЕ

Интерес зарубежных и отечественных исследователей к памятнику народного творчества «Манас», «наследию мировой культуры», в настоящее время продолжает вызывать огромный общественный и научно-исследовательский интерес и представлять для ученых и молодых исследователей огромную научную ценность. Основные труды по исследованию киргизского эпоса, по нашему мнению, принадлежат академику В. В. Радлову (1995), В. М. Жирмунскому (1974), А. Н. Бернштаму (1995), М. Ауэзову (1959), П. Беркову (1961) и ряду других манасоведов.

По утверждению П. Беркова, «большинство эпических произведений тюркских народов бытуют в разной языковой среде <...> «Алпамыш», «Кер-Оглы», «Идигэ» имеются у узбеков, азербайджанцев, туркмен и казахов, но ни одно из перечисленных эпических произведений не встречается в киргизских версиях» (Берков, 1961: 235).

Различия в эпических традициях с другими тюркскими народами — узбеками, казахами, каракалпаками — изучались в трудах Р. Кыдырбаевой (1980; 1996), И. Молдобаева (1995), С. Байгазиева (2016) и др.

Несомненно, на рубеже XX – XXI вв. манасоведение сделало значительный шаг и наметило новые перспективы развития, в том числе в философском, культурологическом и религиозном направлениях.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Стоят ли за эпическим сказанием какие-то исторические, религиозные события далекого прошлого, какие именно и какого времени, как они отражены в эпосе? Центральным звеном является сакральный визуальный образ. Именно он позволяет создавать и транслировать религиозные ценности, задавать жизненный ритм, выстраивать образцы «ритуального поведения», формировать визуально-поведенческие стереотипы и пр.

Известно, что признание в качестве авторитетного одного и того же круга религиозного образа (текста) не ведет автоматически к сходству жизненных установок и стратегий носителей традиции. Поэтому реконструкция состава общинных и личных собраний визуальных образов (фото и икон-танок) в совокупности со сбором информации о конкретных людях и общинах создает возможность, во-первых, для исследования культурных ценностей и смыслов во временной и пространственной перспективе; во-вторых, для решения теоретических и практических вопросов, связанных с изучением модификационных процессов в сфере религии. Именно это позволяет ставить вопрос об изучении функциональных аспектов общинных и индивидуальных собраний визуальных образов (икон-танок и фото) в их естественном социокультурном контексте, а также рассматривать эти собрания в целом и каждый образ в отдельности как носителя синтетической и многоаспектной информации, и, в конечном счете, обозначить теоретико-методологические принципы систематизации и исследования полевого и камерального материала.

Примером отражения тотемических воззрений может служить эпизод из эпоса «Манас», в котором повествуется о том, как зооморфная богиня *Ак-Бугу* (букв. Святая Олениха) вскармливает своим молоком младенца Семетея. Каныкей, мать Семетея, увидевшая эту картину, застыла в изумлении, восприняв это как добрый знак, знак свыше. Как известно, в древности олень, лось, архар, равно как и волк или барс воспринимались как священные животные, покровительствующие кыргызским племенам. Присутствие в контексте эпоса зооморфной богини *Ак-Бугу* и совершение ею священных действий отнюдь не мешают реалистическому изображению жизни главных героев эпоса. В «Манасе», как и в других великих национальных эпосах, вполне соблюдается требование, чтобы «в действиях богов и людей было сохранено поэтическое отношение взаимной самостоятельности, так, чтобы боги не стали безжизненными абстракциями, а люди — просто послушными исполнителями приказов» (Гегель, 1971: 454).

Прекрасный пример такого изображения дает греческая поэзия. «Боги у Гомера, — писал В.Ф. Гегель, — парят в магическом свете — между поэзией и действительностью; они не допускаются слишком близко к представлению, но не оставлены и в неопределенности, так, чтобы для нашего созерцания не было в них никакой реальности. Все что они делают, можно было с тем же правом объяснить и внутренним миром деятельных людей, но они заставляют нас поверить в себя, поскольку в основании их есть содержание, нечто субстанциальное» (Гегель, 1971: 455). Таким образом, в соответствии с мирозерцанием народа, миру богов и миру людей эпос придает «силу и независимость самостоятельных индивидуальностей».

Истоки образа Айчюрёк также, по-видимому, восходят к древним тотемическим воззрениям. Долго бывший бездетным Акун-хан находит новорожденную девочку высоко в горах и с радостью удочеряет ее и нарекает именем Айчюрёк, что означает «Лунная уточка», словно белая лебедь (Бекмухамедова, 2011: 125). Айчюрёк является, пожалуй, одним из наиболее древних и ярких женских образов эпоса «Манас». Айчюрёк имеет чудесное происхождение, она из мира *кайып* (сказочный мир, где обитают духи). Чудесная способность Айчюрёк превращаться в белую лебедь подчеркивает ее божественные, тотемические истоки.

С образом Айчурёк в «Манасе» связывается широко распространенный в эпосе тюрко-монгольских народов мотив оживления героя его женой. В древности существовало поверье, что если невинная женщина переступит через рану, пуля сама чудесным образом покинет тело раненого. Этот обряд назывался «*ок аттоо*». Тяжелораненого Семетея спасает его жена, Айчюрёк. Она переступила через раненого Семетея, и пуля, «застрявшая внутри, вырвалась и упала возле богатыря» (Рудов, 2013: 87). Аналогичный сюжет оживления героя его женой встречается, например, в тувинском эпосе, где повествуется о том, как жена хана Буудая трижды перепрыгивает через мужа и оживляет его (Гребнев, 1960: 28).

В эпоху разложения родового строя, с началом процесса смены матриархата патриархатом, происходят изменения в образе антропоморфной богини Умай, имя которой не раз упоминается в древнетюркских текстах. Великая богиня Умай в древности была, очевидно, связана с войной. Могущественной богине приписывалось дарование древним тюркам побед. В еще более глубокой древности (в скифское, а также в сарматское время), по данным академика А. Д. Грача, грозному женскому божеству приносились человеческие жертвы (Грач, 1984: 69). В последующие века, под влиянием изменившихся исторических условий, воинственные функции богини Умай были забыты и заменены новыми: она становится покровительницей детей и домашнего очага. Именно в этой функции предстает богиня Умай в эпосе «Манас». Она появляется в момент рождения богатыря Манаса. Между богиней Умай и богатырем Манасом происходит следующий диалог:

*Периште мать Умай
Явилась и стала ударять, выталкивать дитя.
Не вынеся ударов ее,
Двинулось из утробы [дитя], чтобы явиться на свет.
Сказала [Умай]: «Предначертание бога — выходи!»
Сказала: «Слушайся меня!»
Тогда младенец сказал:
«Понапрасну меня не бей —
Где же доля моя?» — сказал.
Умай стала ударами выталкивать его:
Гнать [младенца] — божья воля.
Сказала: «В бренном мире — доля твоя,
Побыстрее выбирайся [на свет],
В тесном чреве останешься,
Пользы от этого не извлечешь.
И в степи не уместится доля твоя,
Когда придешь туда, в бренный мир (Инан, 1959: 250).*

Из данных строк хорошо видно, что в эпосе боги и герои выступают как самостоятельные индивидуальности. Богиня Умай изображается живой и естественной, а не безжизненной абстракцией, герой же не выглядит послушным исполнителем ее воли. Люди и боги не мешают друг другу, а сосуществуют, вместе являются носителями действия, которое предстает перед нами в виде совершающегося события. В вышеуказанном отрывке с участием богини Умай нет подробного описания внешнего облика богини, но, поступаясь этим, он сохраняет нечто более важное — веру в ее существование.

К числу древних верований, нашедших свое отражение в эпосе «Манас», можно отнести магию. Среди ближайшего окружения Манаса находятся гадалычики, прорицатели, предсказатели судьбы и т.п., например, Тёлёк, умевший заранее предугадать, чем завершится предпринимаемый поход, или Агыдай, гадалычик по бараньей лопатке, способный предопределить судьбу человека.

В древности существовала вера в магическую силу кости животного, отсюда было распространено гадание по бараньей лопатке. Что характерно, гадание по лопатке, как особая наука, в древности было распространено не только среди тюрко-монгольских, но и других народов. Гадание по бараньей лопатке имело место у древних греков (*гомплатоскопия*), у римлян (*скопумантия*) и у арабов (*ильмюлькетф*) (Абрамзон, 1947: 138). В «Манасе» предсказатели обозначаются терминами «тёльгёчу» и «далычы».

Гадатели и прорицатели в ставке Манаса выполняют функции шаманов, в обязанность которых входило лечить людей, умирять темные силы, предсказывать будущее и др. Тайной шаманских заклинаний в совершенстве владел Алмамбет, главный сподвижник Манаса, который обучался этому искусству у шестидесятиглавого дракона на озере *Аверген*.

В древности у кыргызов, как и у многих других тюрко-монгольских народов (якутов, алтайцев, монголов), существовало представление о магическом камне «*жай таи*», при помощи которого можно было вызывать изменения погоды. Так, благодаря искусству Алмамбета вызывать при помощи магического камня атмосферные осадки, кыргызскому войску во время походов не раз удавалось избежать многих бед и опасностей. Во время перехода могучей реки Оркон Алмамбет спускает в ее воды камень «*жай таи*» и с помощью магических заклинаний вызывает дождь, снег, пургу и, заморозив реку, благополучно переправляет через нее кыргызское войско.

В эпоху разложения родового строя на смену древним тотемическим воззрениям приходит культ предков. Каждый член рода должен был знать и помнить имена своих семи предков по отцовской линии и почитать их. В честь духов предков устраивались грандиозные мероприятия, например, поминальные тризны с участием большого количества людей. Поминки сопровождались многочисленными увеселительными мероприятиями, а также воинскими играми и состязаниями.

Теме смерти, похорон, поминок по умершему в эпосе «Манас» посвящен отдельный крупный эпизод под названием «Поминки по Кёкётёю», в котором данная тема получает раскрытие со всеми эпическими подробностями. В память о своем отце Кёкётёе его сын Бокмурун устраивает грандиозные похороны и не менее грандиозные поминки *аи*, на которые приглашается много народа. Эпизод насыщен

бытовыми подробностями и дает широкую картину народной жизни. Эпизод изобилует также батальными сценами, в которых принимают участие видные кыргызские богатыри во главе с Манасом, Кошоем, Тёштюком и др.

Устройство грандиозных поминок в честь Кёкётёя с приглашением большого количества гостей, проведение на них различных увеселительных мероприятий с раздачей больших призов победителям — все это должно было служить показателем гостеприимства, единства и богатства кыргызов.

Параллельно с увеселительными мероприятиями на поминках проводились воинские игры и состязания, участники которых демонстрировали зрителям свое воинское мастерство. На поминки по Кёкётёю были приглашены не только близкие, дружественные кыргызам народы, но и те, кто издавна враждовал с ними. Так, на поминки прибывают китайские и калмыцкие вожди вместе со своими людьми. Китайскую сторону возглавлял богатырь Конурбай — искусный мастер пики. Калмыки прибыли во главе с великаном Джолоем.

В главных воинских состязаниях — пешей борьбе и конном поединке на пиках — победу одерживают кыргызские богатыри. В пешей борьбе калмыцкого великана Джолоя побеждает богатырь Кошой, в конном поединке на пиках главного китайского богатыря Конурбая побеждает Манас. В конных скачках (*байге*) к финишу первыми приходят кыргызские кони и получают главные призы.

Воинские состязания в данном эпизоде изображаются как высшее воинское мастерство. Одержанные в них победы кыргызских богатырей демонстрируют противоборствующей стороне силу кыргызов. Эпизод, очевидно, складывался в период формирования кыргызской народности в горах *Ала-Тоо* (на Тянь-Шане) в XV–XVI вв. и выражал идею самоутверждения народа на новой территории. Воинские состязания, устроенные на поминках по Кёкётёю, рассматривались кыргызскими богатырями не просто как соревнования, а как проверка сил в отстаивании чести народа и родной земли.

На завершающих этапах развития эпоса «Манас» в него проникают мусульманские мотивы. В варианте С. Орозбакова содержится любопытный эпизод о переходе Манаса в мусульманскую веру, который мы приводим в изложении С. М. Абрамзона: «550-летний старец Айкожо приказывает Манасу открыть рот и плюет туда. Раскрывшимся глазам Манаса предстают ад и муки грешников. После того как на лицо Манаса было брошено чудодейственное покрывало, он в течение семи дней созерцает райские просторы. Брызнув водой в лицо Манаса, Айкожо снимает покрывало и делает его мусульманином, вручая ему острый булатный меч Ач-албарс и ружье Ак-кельте» (Абрамзон, 1947: 140). Оружие Манаса таким образом освящается мусульманской легендой. В записях академика В. В. Радлова, а также в варианте С. Орозбакова, содержатся рассказы о паломничестве Манаса в Мекку.

Ближайший сподвижник богатыря Манаса Алмамбет, китайский царевич, появляется на свет с именем пророка Мухаммеда на устах. Академик В. В. Радлов (1995), а затем В. М. Жирмунский (1974), А. Н. Бернштам (1995) указывали, что на развитие образа богатыря Алмамбета оказало, очевидно, влияние сказание об Огуз-кагане, легендарном родоначальнике тюркских племен и первом мусульманском правителе огузов. Ученые отмечали совпадения в обоих сказаниях следующих сюжетов и мотивов: чудесное рождение героя, принятие ислама, конфликт с отцом,

побег из родительского дома, становление богатыря грозным полководцем и героем веры. Сказание об Огуз-кагане имело широкое распространение среди тюркских народов Средней Азии в XVII–XIX вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, древние религиозные культы, игравшие важную роль в духовной жизни кыргызского народа на различных этапах его развития, нашли свое художественное отражение в героическом эпосе «Манас». Как и во всякой подлинно народной эпосе, в кыргызском эпосе боги и их представители предстают живыми и естественными, наделенными силой и независимостью самостоятельных индивидуальностей.

Литература

- Абрамзон, С. М. (1947). Этнографические сюжеты в киргизском эпосе «Манас». *Советская этнография*. № 2. 134–154.
- Ауэзов, М. (1959). Героический эпос «Манас». *Мысли разных лет*. Алма-Ата: Казгослитиздат.
- Байгази́ев, С. (2016). *Великий эпос «Манас» — негаснущая звезда мировой художественной культуры*. Бишкек.
- Бекмухамедова, Н. Х. (2011). Женские образы в эпосе «Манас». *Манасоведение*. Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский университет.
- Бернштам, А. Н. (1946). Эпоха возникновения киргизского эпоса «Манас». *Киргизстан: Литературно-художественный альманах*. Фрунзе. С. 139–149.
- Гегель, В. Ф. (1971). *Эстетика*. Т. 3. Москва: Искусство.
- Грач, А. Д. (1980). *Древние кочевники в центре Азии*. Москва: Наука.
- Гребнев, Л. В. (1960). *Тувинский героический эпос (опыт историко-этнографического анализа)*. Москва: Восточная литература.
- Жирмунский, В. М. (1974). Введение в изучение эпоса «Манас». *Избранные труды*. Ленинград: Наука. 23–112.
- Инан, А. (1959). *Заметки об эпосе «Манас»*. Стамбул.
- Манас. *Киргизский героический эпос* (1984). Кн. 1. Москва: Наука.
- Молдобаев, И. (1995). *«Манас» — историко-культурный памятник кыргызов*. Бишкек: Кыргызстан.
- Рудов, М. А. (2013). *Кыргызский героический эпос «Манас», «Семетей», «Сейтек»: Хрестоматия для учебных заведений с русским языком обучения*. Бишкек: Кыргызско-Российский Славянский университет.
- Радлов, В. В. (1995). Предисловие. Энциклопедический феномен эпоса «Манас». *Манас. Энциклопедия*. Бишкек: Мурас. 10–11.

References

- Abramzon, S. M. (1947). Ethnographic plots in the Kyrgyz epic “Manas”. *Soviet Ethnography*. No. 2. 134–154 (in Russian).

- Auezov, M. (1959). The heroic epic “Manas”. *Thoughts of different years*. Alma-Ata: Kazgoslitizdat (in Russian).
- Baigaziev, S. (2016). The great epic “Manas” is the undying star of world artistic culture. Bishkek (in Russian).
- Bekmukhamedova, N. H. (2011). Female images in the epic “Manas”. *Manas studies*. Bishkek: Kyrgyz-Russian Slavic University (in Russian).
- Bernstam, A. N. (1946). *The epoch of the emergence of the Kyrgyz epic “Manas”*. Kyrgyzstan: Literary and Artistic Almanac. Frunze. pp. 139-149 (in Russian).
- Hegel, V. F. (1971). *Aesthetics*. Vol. 3. Moscow: Art (in Russian).
- Grach, A. D. (1980). *Ancient nomads in the center of Asia*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Grebnev, L. V. (1960). *Tuvan heroic epic (experience of historical and ethnographic analysis)*. Moscow: Oriental Literature (in Russian).
- Inan, A. (1959). *Notes on the epic “Manas”*. Istanbul (in Russian).
- Manas. Kirghiz Heroic Epic* (1984). Book 1. Moscow: Nauka (in Kirghiz, In Russian).
- Moldobaev, I. (1995). *“Manas” is a historical and cultural monument of the Kyrgyz people*. Bishkek: Kyrgyzstan (in Russian).
- Rudov, M. A. (2013). *Kyrgyz heroic epic “Manas”, “Semetey”, “Seitek”: A textbook for educational institutions with the Russian language of instruction*. Bishkek: Kyrgyz-Russian Slavic University (in Russian).
- Radlov, V. V. (1995). Preface. The encyclopedic phenomenon of the epic “Manas”. *Manas. Encyclopedia*. Bishkek: Muras. 10–11 (in Russian).
- Zhirmunsky, V. M. (1974). Introduction to the study of the epic “Manas”. *Selected works*. Leningrad: Nauka. 23-112 (in Russian).